

евой // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы, 2005. Т. III.

14. *Досқараев. Ж., Досмамбетов Қ.* Қазалы ауданында тұратын жергілікті халықтың тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер // Изв. АН КазССР. Серия филол. и искусствов. Алма-Ата, 1962. Вып. 1 (20).

15. Журнальная запись переговоров генерал-лейтенанта князя В. Урусова с представителями Малого и Среднего жузов во время их приезда в г. Оренбург для принятия присяги на подданство России. 1740 г. августа 19 — сентября 1 // КРО. 1961.

16. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности / сост. Л. Костенко. СПб., 1871.

17. *Баязитова Ф. С.* Аш-су һәм халық традицияләре лексикасы. Казан, 2007.

18. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамудинов. М., 1961.

С. В. Дмитриев

**ПРАКТИКА РАЗГРАБЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВА
МОНАРХА И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(Предварительные заметки)**

Тема разграбления имущества монарха в традиционной культуре как особого явления общественной жизни, кажется, еще не подвергалась специальному рассмотрению в научной литературе. Однако описание этого явления в разных источниках, посвященных истории как тюркских, так и иранских народов, встречается довольно часто и обычно не вызывает в большинстве из них осуждения и порицания.

Пожалуй, наиболее известным примером этого обычая является случай, описанный в 12-й песне известного огузского памятника «Деде Коркут», основные тексты которого исследователи относят к XII в. Согласно этому источнику, «когда собирались племена Уч-Ок и Боз-Ок (т.е. внутренние и внешние племена, составлявшие Огузскую конфедерацию. — С. Д.), Казан (соправитель Баюндур-хана. — С. Д.) отдавал на разграбление свое жилище; но (на этот раз) внешних огузов при этом не было; разграбили одни внутренние огузы. Когда Казан отдавал на разграбление свое жилище, он выводил за руку свою жену, потом они производили разграбление. Об этом услышали из беков внешних огузов Аруз, Эмен и остальные беки; они сказали: “Смотри, смотри, до сих пор мы принимали участие в разграблении жилища Казана: почему нам теперь при этом не быть?” Все беки внешних огузов сговорились, к Казану не пришли, проявили вражду». Эта ситуация встревожила окружение Казана, к внешним бекам был отправлены авторитетные беки, которым в ответ на вопрос, почему внутренние огузы не явились к Казану, было сказано следующее: «В чем наша вина, что (теперь) нас на разграблении не было?» Все это стало причиной неурядиц в конфедерации [1, с. 101–105].

В комментариях к этому сюжету при издании памятника сказано, что этот сюжет, по мнению В. М. Жирмунского, следует «рассматривать как словесное обозначение обычая, который, по видимому, пережиточно отражает право родового коллектива на индивидуальную собственность его членов, осуществляемое в виде периодических переделов имущества вождя» [2, с. 279, пр. 2. Отд. VI (Смесь), с. 15]. Однако примеров из других источников, описывающих и объясняющих этот обычай, там не приводится.

Обычно подобный акт разорения дома властителя в источниках описывается в сюжетах, связанных с его смертью. Так, когда умер правитель Туркменского государства Кара-Коюнлу Кара Йусуф (ум. 1420 г.), согласно источнику XV в., известному как «Фасихов свод», сподвижники оставили его в палатке, «которую подвергли разграблению, отрезали ему уши, сняли с них золотые серьги, а его оставили голым, прочитав: “Выиграет тот, кто спасет

свою голову”, и каждый отправился на свою родину» [3, с. 186–187]. Столь радикально с телом бывшего властителя, однако, поступали далеко не всегда, скорее это было нечто необычное, почему, возможно, и попало в поле зрения историка. Интересно только, что осуждения историка это деяние не получило.

Напротив, подобные действия получили порицание со стороны более позднего тюркского историка, хивинского хана Абуль-Гази, автора нескольких компиляций по истории тюркских народов. Описывая мнимую, инсценированную с целью проверки своих беков смерть туркменского Арслан-хана, он рисует последующие события таким образом: узнав о смерти хана, «беки устроили совет; забрали все неживое и живое имущество, принадлежавшее хану». И только преданный Сувар не участвовал в этом. Поэтому ему было воздано должное после внезапного «воскрешения» хана, тогда как беков-изменников «схватили, ослепили и отрубили им руки», что, по словам Абуль-гази, получило полное одобрение подвластного народа [4, с. 65]. Эта оценка имеет, по всей вероятности, характер переосмысления Абуль-Гази-ханом древних реалий с целью обоснования новых отношений хана и народа в условиях распространения в степи ислама и нахождения властителя на престоле в Хиве, что создавало необходимость нового взгляда на описываемые события.

О широком распространении в степи подобного обычая косвенно свидетельствует и обмолвка в труде Плано Карпини: «У Татар таковое обыкновение, что они не разоряют домов своих государей и вельмож, а всегда отдают их в управление какой-нибудь жене, и дают ей ту часть из подарков, какую обязаны давать своим государям» [5, с. 29; 5, § 1, 17].

В ряде случаев уничтожалось жилье убитого военного вождя. Известным примером может быть случай из истории древнетюркского времени, описанный арабским историком ат-Табари в его «Истории»: когда в столкновении с арабами был убит тюркешский вождь Курсул, то наряду с другими внешними проявлениями скорби были сожжены и его «шатры» [6, с. 267]. Также после смерти мужчины поступали и иранские народы. В «Шахнаме» Фирдоуси, когда в поединке Рустам убил своего неизвестного сына Сохраба, «ставку погибшего в битве вождя / Сожгли,

вековые обряды блюда: / Предали огню и седло, и шатер, / И трон, и доспехи, слепившие взор...» [7, с. 87].

Как видно, данная норма была достаточно привычной, причем распространялась не только на властвующих персонажей, но и на простых людей, однако она имела определенные варианты. По сообщениям некоторых путешественников и исследователей, так же поступали с юртами обычных людей, умерших как естественной смертью (или же их просто растаскивали родственники [8, с. 15; 8, с. 32], причем новое жилище могли возвести через 5–7 дней [9, с. 15]), так и погибших в результате военных столкновений. По описанию, оставленному Ч. Ч. Валихановым, у казахов, «если человек умрет в походе, то весь отряд, подъезжая к аулу с криком <...> “мой родственник <...> моя печень”, устремляется на юрту и начинает стрелять, колоть копьями и рубит дерево юрты», так как юрта без хозяина считалась символом несчастья [10, с. 115, 630]. По сообщению Н. П. Дыренковой, у алтайцев если муж лишался жены в связи с ее смертью и при этом не оставалось детей, то его родственники разрушали их юрту и он вплоть до новой женитьбы переходил жить к отцу или брату. Скот его при этом присоединялся к их скоту [11, с. 250, прим. 1]. Связано это, по всей вероятности, было с тем, что юрта в данном случае являлась приданым жены и после ее смерти муж терял на нее право. Поэтому в обратном случае, как это описывает у бурят М. Н. Хангалов, если у женщины умирал муж и она при этом была бездетной, то, оставаясь в юрте, она теряла все остальное имущество, т.е. имущество мужа [12, с. 23, прим. 1].

По всей вероятности, этот обычай, в том числе и в контексте отношения к имуществу и ставке вождя или монарха, действительно связан с имущественными вопросами, которые решались в том же русле уже на своем уровне, в зависимости от того, сколько людей было в нем заинтересовано. Если в случаях с простыми людьми заинтересованными выступали родственники покойного, то в больших объединениях заинтересовано было все общество, вождем которого был умерший. Связано это с тем, что, исполняя обязанности главы политического объединения, хан или вождь в традиционной культуре не является владельцем всего имущества, которым он распоряжается, а находится на положении со-

держанца, которому для исполнения его общественных обязанностей собирается определенное количество имущества, движимого и недвижимого, в действительности являющегося собственностью всего общества. Например, у казахов, когда избирался хан, участники съезда, расходясь, «по обычаю» растаскивали и весь принадлежавший новому хану скот, «который обыкновенно потом с лихвой заменялся ханам подарками скотом же от каждого рода, отделения и подотделения» [13, с. 86].

В условиях казахской степи, где было огромное количество султанов (потомков Чингисхана), которые могли претендовать на ту или иную должность, включая самую высшую, многие из этих претендентов вне этой должности были буквально нищими, как пишет П. И. Рычков, «многие из них в самой скудости ныне живут» [14, с. 201]. Но, будучи призваны, например, на ханство, причем не только в своих *жузах* (казахских ордах), а в ту же Хиву или просто на старшинство в том или другом округе в казахской степи, они реально получали именно кормление, но не право на собственность. В казахской степи этот налог назывался *сузум* — так же, как и осенний покол скота, так как именно в этот момент производился сам сбор [15, с. 1–4; 15, с. 80; 15, с. 115]. Шел он, например, как это видно из материалов по Внутренней (Букеевской) орды, кроме собственно на содержание султана и его семьи, также на расходы по приему приезжающих в ставку по разным случаям казахов, на фураж для их лошадей; на подарки и поощрения отличившимся ордынцам; на вспомоществование бедным, у которых хозяйство по тем или иным причинам расстроилось; на награды как султанам, так и некоторым другим лицам, которые исполняли поручения хана, были, например, депутатами при следствиях, временными правителями округов и т.д.; на содержание канцелярии при хане и некоторые другие нужды [16, с. 444]. Можно предполагать, что нечто подобное с определенными вариантами могло быть и у огузов времен создания их эпоса. Поэтому дальнейшие «разграбления» якобы их личного, а на самом деле общественного имущества, с точки зрения подвластного населения, были вполне легитимным действием.

Эта норма существовала повсеместно, причем даже в более развитых в политическом отношении государствах. Например,

как отмечает известный путешественник и дипломат Е. П. Чириков, восклицание: «Шах умер!» всегда «служило в Персии сигналом к разгрому, разграблению» [17, с. 162]. По смерти Надир-шаха была разграблена его сокровищница, драгоценности и вещи из которой, по свидетельству современников, разошлись почти по всей Азии [18, с. 219–220].

Существование этой нормы, по всей вероятности, имело ряд производных в культуре. Во-первых, всякая смерть известного и богатого лица сопровождалась огромными раздачами на поминках — в виде угощения, призов на состязаниях и т.д., так как иначе могло произойти, а иногда и происходило действительно форменное разграбление. В других случаях, чтобы как-то упорядочить этот процесс, наследник просто открывал казну, тем самым (так как это внешне производится как бы от его имени) приобретая сторонников. Иногда это делал сам умирающий, как в свое время султан Ирака сельджукид Мухаммед [19, с. 81], задумавшийся в тот момент о бренности существования в этом мире, а возможно, чтобы лишить преемника возможности использовать эту карту в политических целях, так как это действие имело и определенный потлачевидный характер.

Вообще, как известно, смена власти, особенно если она происходит внезапно, часто сопровождается такими экстремистскими действиями, поэтому, чтобы обуздать стихию, смерть владельца часто стараются держать втайне от широких кругов населения, дабы не спровоцировать его на легитимный грабеж. В период анархии междуцарствия, когда фигура монарха уже (или еще) не структурировала общество, не только подвергается разграблению имущество, связанное с общественными институтами, но и происходит взаимный грабеж разными группами населения, например в Персии кочевники грабили оседлых, разные городские группировки сталкивались по тому же поводу и т.д. При этом все действия имели легитимный характер с точки зрения традиционной культуры и общественного мнения.

Библиография

1. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. В. В. Бартольда. Репринт. изд. 1962 г. СПб., 2007.

2. Там же.
3. Фасих Ахмад ибн Джелал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) / Пер., предисл., прим. и указатели Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980.
4. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.
5. Историческое сочинение Иоанна де Плано Карпини // Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. Сб., 1825: с. 29; *Джиованни дель Плано Карпини*. История монгалов, именуемых нами татарами / Пер. А. М. Малеина. Глава последняя. § 1, 17.
6. История ат-Табари. Ташкент, 1987.
7. *Фирдоуси*. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Банд-Лахути, коммент. А. А. Старикова. М., 1960. Т. 2.
8. [Георги И. Г.]. Кузнецкие инородцы // Журнал министерства внутренних дел. 1858. Ч. 30. № 5. Отд. VI (Смесь); *Катанов Н. Ф.* О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894.
9. Там же.
10. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1961. Т. I.
11. *Дыренкова Н. П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.
12. Бурятские сказки и поверья // Записки ВСО ИРГО по этнографии. Иркутск, 1889. Т. I. Вып. 1.
13. *Добросмыслов А. Н.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Оренбург, 1900. Ч. I. Вып. 15.
14. *Рычков П.* Нижайшее представление о состоянии киргиз-кайсацких орд и о способах к приведению их к спокойствию и ко исполнению подданических должностей // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы, 2007. Т. IV: Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век.
15. *Троицкий Н.* Взгляд на Внутреннюю Киргизскую Орду // Отечественные записки. 1848. Т. LVIII. Отд. VIII. С. 1–4; *Еврешинов А.* Внутренняя или Букеевская Орда // Современник. 1851. Кн. 10. Отд. II. С. 80; *Загряжский Г. С.* Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи // Туркестанские ведомости. 1874. № 29; и др.
16. [Михайлов Н.]. Внутренняя Киргизская орда // Северная пчела. 1842. № 111.

17. Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 г. / Под ред. М. А. Гамазова. СПб., 1875. (Зап. Кавказского отдела ИРГО. Кн. IX).

18. *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3: Этнографические известия.

19. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова; прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. М.; Л., 1952.